

Андрей Моисеев

*Молоды,
как пыль*

Андрей Моисеев
Молоды, как пыль

«Издательские решения»

Моисеев А.

Молоды, как пыль / А. Моисеев — «Издательские решения»,

Поэма о нелегкой судьбе детей из неблагополучной семьи, лишенных
родительской заботы и вынужденных самостоятельно выживать
в неприветливом мире.

© Моисеев А.

© Издательские решения

Содержание

Гангрена	6
Глава I	6
Глава II	10
Глава III	15
Глава IV	20
Глава V	26
Глава VI	32
Глава VII	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Молоды, как пыль

Андрей Моисеев

© Андрей Моисеев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гангрена

Глава I

Уверенно вспомнить посмею
События канувших лет:
В сознании прошлом развеяв,
Теперь воскрешаю в себе.

Когда-то случилось несчастье,
Атакой разбив пополам.
И боле ничто не украсит,
Не даст осмысленья словам.

Забыла о счастье Светлана,
Когда разошлись доктора
Из блока, где мужу по плану
Отняли до трети бедра.

Настигла большая проблема:
В походе – костыль под плечо.
Опорой теперь служат стены,
Но это еще ничего.

Печали не видит Аркадий;
Цвета не поблекли в миру,
А новой волной засияли
И, вряд ли, дадут слабинку.

Я маленьким был в это время
И видел в наивных тонах:
Не мог осознать сожаленья,
И грусти не ведал тогда.

Частенько захаживал в гости
К родителям крестным своим:
Бывало, у мамы отпросят,
Чтоб я поиграл с дочерьми.

Казалось, не стоит мне помнить,
Но образ осел в веществе.
Запомнил: Аркадий неровно
Подрезал штанины себе.

И, как бы, логично, по делу,
Однако, превыше всего

Увидел большую проблему,
Запомнив тем самым его.

Чуть позже протез получили,
Светлана улыбкой зашлась:
Удобно родному мужчине,
Ведь форма по форме пришлась.

Мое удивленье громадой
Свалилось сестре как-то раз.
Суровой ответила правдой,
Что «нету ноги и сейчас».

Обидно за крестного папу —
Он доброй души человек.
Однако вся горькая правда
Не видела видных мне черт!

Полгода случилось малютке —
Вторая настигла беда;
Как буря средь ясного утра,
На голову пала она.

Я помню туманно тот случай:
Кормила Светлана дитя,
Я просто сидел в этом скучном
Собрании тихих ребят.

Все дети не знали, в чем дело?
А взрослые – грубо молчат.
Немало минут просидел я
И ждал, когда нам сообщат.

Представить вперед невозможно —
Аркадий приехал домой;
Понурий, с прозрачною кожей
Толкает коляску герой.

Последнюю ногу забрали.
Болезнь беспощадна и зла.
Теперь и душевно он ранен,
Испив свою чашу до дна.

Молчанье не знало предела.
Тишайше он в спальню зашел.
Малышка в кровати сидела,
Мечтая о чем-то своем.

Жене показалось, что в мире

Закончилось даже добро;
Невзгоды волною накрыли,
Дав счастью весомый отпор.

Сидит, обделенный судьбою,
Отец двух прекрасных детей.
Отныне собою доволен —
Потомки всей жизни ценней.

Не стоит печалиться карме,
Негоже ругаться жене.
Врачи исполняли исправно
Свой долг, и не ради монет.

Опять развиваться по новой,
Но с большей потерей уже.
Аркадий вернется не скоро
И с меньшею волей в душе.

Улыбку труднее заметить
В приятном овале лица.
И говор совсем неприметен,
И слабость внутри без конца.

Порою сейчас вспоминаю:
Малышке исполнилось три.
Втроем дети в прятки играли,
От младшей пытаюсь уйти.

Запрятались в старой кроватке,
Под простынью дух затаив
Сидели совсем аккуратно,
Сестренке не дав нас найти.

Чуть позже в округе стемнело,
Снежане пора уже спать.
Аркадий движеньем несмелым
Дитя усадил на кровать.

Накрыл осторожно по плечи,
Светильник накрыл пеленой.
И мы наблюдали, как шепчет
Отец сказки дочке родной.

Когда я домой собирался,
Увидел, что также сидит
И шепчет, возможно напрасно,
Любимые сказки свои.

Весь вечер не знал он покоя,
Пока у кровати не сел.
На тихое счастье настроен,
На дружбу в любимой семье.

Мальвина присела поближе
Послушать историй подбор.
И папа, поболее подвижно,
Продолжил большой разговор.

Потом и Светлана присела,
Потерянным взглядом кружась:
Ее вдохновляли беседы,
Но сказка никак не далась.

Без горя не стало бы этой
Счастливой и скромной семьи,
Но также потеряны светом
В глазах семьянина огни.

Мне мама не раз объясняла
Аркадия злобный недуг,
Но помню из этого мало,
А больше бесед не ведут.

Осколком сознания стала
Большая из всех крупных бед:
Звезда в небесах засияла
И всем подарила свой свет.

Не видеть мне крестного папы,
Так зря он оставил родных!
Ему не вернуться обратно
Из дальней для нас стороны.

Глава II

Меня разбудили пораньше,
Хотели успеть накормить,
Но я оказался уставшим
Еще до начала пути,

Поэтому творог не пища;
И мир точно мраморный сон:
Когда все вокруг что-то ищут,
Реальности нет за окном.

Родители бегали долго,
Забыв для чего и зачем.
А я, ожидая их робко,
Один в коридоре сидел.

Они безнадежно держались,
Хотя понимал, что-то есть:
Отец, как змеёю ужален,
Не мог говорить или есть.

А мама, возможно, не спала,
Ведь ночью звонил телефон.
Тогда же, развеяв ударом,
Ушел в никуда ее сон.

И вот она слабой рукою
Не может рубашку надеть.
От слабости тело все ноет,
От горя неожиданных потерь.

Негоже так выглядеть плохо
Возлюбленной русской жене:
От слез очи ясные сохнут.
Себя не даёт пожалеть.

Мы вышли довольно нескоро,
И путь не составил труда,
Но не было раньше такого,
Секунды чтоб шли в никуда.

Был путь нескончаемо длинным,
Размеренно шел каждый шаг.
И вместо минуты невинной,
Мы час добирались, спеша.

Меня посадили к Мальвине
С неведомой целью для нас.
Мужчины скорей удалились,
На белой машине умчав.

А мамы затихли на кухне —
Подругу хотят поддержать,
Но сердце разбитое глухо,
Как после удара ножа.

Я слышал порою мычанье,
Тогда не узнав в этом плачь.
С Мальвиной мы просто молчали,
Хоть фразу боясь рассказать.

Так робко слова прозвучали,
Разрезав в момент тишину:
Мальвина шепнула случайно,
С трудом не расплакавшись тут:

«Так жалко, что папы не будет.
И он не придет никогда».
Их счастье голубкой загульной
Направилось вдаль на юга.

Напишут «потеря кормильца»
На тысяче разных бумаг,
Которые будут храниться
В запаянных ложью столах.

И выпишут пенсию детям,
Лишь четверть на руки вручив:
Достаток порой очень вреден
Сиротам – погубит он их.

Чиновник боится за деток,
Поэтому очень суров,
И в шубу из норки одет он,
И любит далекий курорт.

Я видел, как мама с подругой
Направились с скатертью в зал.
Им даже шагать было трудно
И прямо направить глаза.

Нас тетя гулять отпустила,
Снежане чтоб дать отдохнуть.
Мы молча отправились мимо,
Надеясь придумать игру.

На улице солнце сияло,
Но грело других, а не нас.
Возможно, светило устало
От грустных обиженных глаз.

Во двор прикатила машина
С наклейкой большой «ритуал».
В окне разглядел я мужчину,
Которого вовсе не знал.

Увидел, что папа с другими
Тягает неведомый груз.
За ними мы не поспешили,
Оставшись сидеть также тут.

Я помню размыто мгновенье
Прихода к Светлане домой,
И путаю я, к удивленью,
Две разных картины порой.

Входя в коридор невеселый,
Мне нужно увидеть венки,
Услышать печальное слово
О том, кто «отныне высок».

Однако не слышится речи,
А детский младенческий крик —
Малышка неясно щебечет,
Пуская из уст пузыри.

Аркадий сидит очень близко,
Ведь дочке всего один день.
Мальвина с затаенным риском
Сестренку желает смотреть.

Все мило с рождением ребенка:
Кормление, крики и сон.
И в комнате криками звонко
Напевы сестры разнесло.

Ослаблена родами мама —
Аркадий на кухне творит,
А мы в виде лишь панорамы
Вокруг нарезаем круги.

Но это не боле, чем призрак —
Прошло с этих пор много дней,
А крики сменились на визги

Уставших от слез матерей.

Все люди раскинулись в зале
Вокруг раскидного стола;
Меня же туда не позвали,
Но видел достаточно сам:

В коробке неправильной формы
В костюме парадном прилег,
Смиренно, печально и гордо
Отправившись в вечный полет.

Эмоции разуму чужды,
И мимики более нет.
Дышать ему даже не нужно,
А кожу схватил синий цвет.

Синюшные губы поблекли,
Пытаясь прощанье сказать,
Надеясь, что дети окрепнут,
И вновь улыбнется их мать.

Оковы желают иначе:
Молчанье – единственный грех.
И справиться с этой задачей
Не в силах любой человек.

Все взрослые заняты были;
К Мальвине направился я.
Детишки о чем-то гласили,
Диктуя слова нехотя.

Бессмысленно дети сидели.
Явился еще юный гость.
И, в глупость несносно поверив,
Такой задала нам вопрос:

– А кто целовал его в губы?
Ну, кроме, конечно, меня?
– Я с ним целоваться не буду! —
Ответил какой-то сопляк.

Увидел, как слезы сестренки
Скатились по мягкой щеке.
Злодейка словами ребенка
Продолжила гнусную речь:

– Не видела губ таких синих
Холодных и твердых, как лед.

Слова меня так разозлили,
Что дурой назвал я ее.

Она растерялась немного,
Ни звука теперь не издав.
Затем покосилась сурово,
Обиженно вон уползла.

Сестре моей стало приятно;
От горя ушел прошлый след,
Но что-то сидело осадком,
Не дав улыбнуться в ответ.

Родители делись куда-то,
Незримо покинули дом.
Случился отъезд так внезапно,
Что я не успел одного.

И больше не видел я папу,
Мой крестный уже среди звезд.
Как все мужики, я не плакал.
Возможно, не принял всерьез.

Сейчас уже поздно, наверно;
Все грузы пропали в годах.
Забвенье волною победной
По нашим прошло головам.

Глава III

Не помню, как там очутился:
Кругом вижу белый лишь снег,
Ограда с оградой ютится,
И в каждой – один большой крест.

Шагали куда-то неспешно
Среди незнакомых людей.
Я в папу вцепился покрепче,
Не видя знакомых семье.

Дошли мы до свежей могилы —
Два метра она в глубину.
Мне сил подойти не хватило —
И многие люди поймут.

Казалось, что я в километре
Стою ото всех остальных;
Казалось, что пиршество смерти
В экране трагедий немых.

Пока суетились людишки,
Стояли мы с папой столбом.
С коробкой неправильной вышли
Солдаты без всяких погон.

Они надо рвом опустили
И медленно кинули вниз.
Тогда я не понял: отныне
Аркадий стал сыном земли.

Картинка казалась далекой,
Идущим в экране кино:
Сюжетом печальным и блеклым,
Открытом в сознании моем.

Одно лишь ко мне доносилось:
Замученный женственный рев.
Они как могли, так просили,
Но только не помню я слов.

Разгневались вмиг автоматы,
Издав агрессивную трель.
Мой папа случайно заплакал
От тяжести прошлых потерь.

Светлану держали под руки,
Ведь силы покинули дух.
Громоздкая тяжесть разлуки
Нещадно рвала тишину.

Тогда не заметил Мальвины,
Снежаны не слышал совсем.
Я просто стоял средь пустыни
На жгучем и мертвом песке.

Не видел в толпе моей мамы,
Не слышал совсем никого,
Ведь каждый казался мне странным —
Иным, кем он был до того.

Когда закопали могилу,
Поставили памятный крест,
Под крики «Аркадий, помилуй!»
Ушли все с привычных им мест.

Мы с папой скорей зашагали,
Пытаясь догнать остальных.
Услышал: Светлана скандалит,
Не веря в суровость судьбы.

Она не желала садиться
В замеченный утром фургон,
Пыталась от всех отцепиться,
Но ноги держали с трудом.

Упала на снег на секунду —
Подняли вдову в тот же миг.
Родные уже не забудут
Великую силу любви,

Огромную силу утраты,
Пронзившую душу ножом.
Вдова поняла: безвозвратно
Супруг от любимой ушел;

Поэтому хочет вернуться,
Упасть и свободно вспорхнуть.
Но это обман, а не чувство,
Родился в суровом бреду.

Автобус забрал меня с поля,
В окне открывая сюжет,
Где женщина спорит с судьбою
О том, кто не дышит уже.

Слова не доступны сквозь толщу
Прозрачных стеклянных оков,
Но смысл события проще,
Понятен всем даже без слов.

Способности таяли быстро,
Мешая истошно вопить.
А силы, как малые искры,
Потратили жизни свои.

Помчался автобус куда-то,
От крестной меня отдалив.
И я укатил безвозвратно,
Запомнив тот день лишь таким.

Весь вечер сидели с Мальвиной;
Родители пили вино.
Мы слышали крики в гостиной —
Грустили они в унисон.

Сестренка вторая шумела —
Спалось очень плохо сейчас.
Ей сказку прочли неумело,
Затем повторили рассказ.

Когда же Снежана затихла,
Мы сели вдвоем на диван.
Мальвина вздохнула охрипло,
Со мной диалог завела.

Она вспоминала порою
Больницу, в которой пробыл
Отец с пораженной ногою,
А после – без этой ноги.

Поведала страшную тайну,
Что помнила все до конца;
И мимо напрасных стараний
Запомнила муки отца.

Момент она не забыла,
Когда брала кровь медсестра:
Чернее темнейшего дыма
По трубке струилась она.

А после по-детски ругалась,
Ведь знала лишь несколько фраз.
Закончив, спешила в начало,

Ругательств немало сказав.

Я вторил сестре постоянно,
Хотя и не видел того,
Но свежие острые раны
Кричать вынуждали о том.

Мы глупой за то обозвали,
Ведь знали – она не права.
Она виновата в провале;
Ошибка таким не дана!

А даже не знали в чем дело,
Болезни не знали самой.
Но слишком уж нам наболело,
Чтоб просто сидеть за игрой.

Стемнело и стихло в округе.
Беседа совсем полегла.
И наш диалог, очень скуден,
Пошел на другие дела.

Услышали крики из комнат —
Родители буйно грустят,
Беседы оттенком холодным
Вдове отсылали друзья.

К полуночи речи скрипели
Объемом неведомых фраз,
Которым не ведали цели;
Обида прошла мимо нас.

Чуть позже другая картина:
На смену приходят смешки.
И бывшая прежде обида
С агрессией вдаль отошли.

Проснулось дурное веселье,
Которого быть не должно;
Поднято практически всеми,
Расплавил тяжкий ожог.

Снежана ревела тихонько,
Пытаясь мамулю привлечь,
Но звук растворялся невольно
О чью-то несносную речь.

Другие частенько ходили,
Ругали безвинных детей:

Мы плохо с Мальвиной следили
За младшей сестренкой своей.

Но нам не дано преисполнить
Заветный родительский долг.
Старались усердно – бесспорно,
Но детский скандал не умолк.

Хотели увидеть Светлану —
Зазря мы подумали так.
Она загулялась и рано
Уснула, причем до утра.

Там, где и сидела, в одежде.
Замучена горем вдова,
Поэтому берег безбрежный
Узрела, заснув у стола.

К Снежане вконец подоспели,
Хоть поздно, но все же пришли.
И быстро в своей колыбели
Увидела сказки свои.

Столы за собою прибрали,
Хозяйку раздели слегка.
Порядок устроили в зале,
И все разошлись по домам.

И не было будто печали,
Вокруг разрослась тишина.
Немногие вспомнят случайно,
А кто же запомнит в веках?

Глава IV

От осени шел первый месяц
И ужас на жизнь наводил:
Суровый, хотя бестелесный,
Окутавшись в видимый мир,

Ударил стеною холодной,
Накрыл беспросветным дождем.
Хватил он своей непогодой,
Весь город отдав в водоем.

Улыбки на лицах стирались
При виде испорченных вод.
Хотя, по всем нормам морали,
Такого и быть не могло.

Как будто не знали доселе,
Что осенью небо серо,
Ведь каждое лето на деле
Не видно серьезных работ.

Когда же подтопит немного,
Машины поставив в тупик,
Размыв под собою дорогу,
Разбив для проезда пути,

Тогда мы услышим начальство —
Доходчивый строгий приказ.
И станут, порою ночами,
Откачивать воду для нас.

Так папа ругался невольно
О том же, причем каждый год.
И мэр, с его речью-мозолью,
Быть правым никак здесь не мог.

Я так же учился ругаться,
Набравшись от папы речей;
Услышал немало оваций
От глупых дворовых детей.

С Мальвиной мы часто решали
Вопросы неизвестных тем,
Которых не ведали сами,
Услышав случайно в семье.

Охотно дороги судили,
Уж мы-то могли починить!
Гордились речами своими,
Ведь в десять – уже силачи.

Сегодня решили до поля
С утра прогуляться втроем.
Мальвина хотела с собою
Подругу позвать этим днем.

Я видел девчонку когда-то,
Малышкой невинной тогда,
Застенчивой и аккуратной,
С улыбкой шкотного кота.

Однако с годами менялись
Знакомые лица людей:
Сегодня пошла вместе с нами
Красивая дева скорей.

Поставленной речью гласила,
Манила осанкой прямой.
Держалась уж очень красиво
Насколько запомнить я мог.

Добрались до цели нескоро;
Поляна открылась глазам.
И мы разошлись по просторам,
Природы красу осознав.

Любуясь неведомым силам,
Достиг нерадивых подруг.
Наверно, я зря отпустил их,
Оставил одних прямо тут.

В руках сигарета дымилась —
Одна на двоих пополам.
Все это меня удивило,
А злоба добро порвала.

Мне десять исполнилось летом;
Они чуть помладше меня.
Им рано еще с сигаретой
Под кроной деревьев стоять.

И дым запускать себе в горло
Не стоит особам таким.
Для женщин созревших позорно,
А детям смертелен тот дым.

Красивая девушка стала
Отнюдь некрасивой козой.
Беседа противным скандалом
Меня разделила с сестрой.

Она не хотела послушать
Простой, убедительный факт.
Все это ей было ненужно,
Курила сестра «просто так».

Я выбора боле не видел,
Поэтому ей наказал,
Что, если увижу отныне,
То взрослым поведу сам.

Грозился поведать Светлане
О грозном неведомом зле,
Но я не желал ее ранить,
А думать заставить хотел.

Подруге же было неважно:
Курила, не зная преград.
Руки ей мальчишка не вяжет,
Ведь только Мальвине он брат.

Спустя перепалок минуты
Сестра обещала забыть
Тот дым, что нещадно окутал
Сознание, мысли, мечты.

Я в грубом открылся им свете,
Но добрые цели искал.
Однако тогда не заметил:
Мальвина нашла не сама

Тяжелую дымную пачку;
Вручили отраву ей в рот.
И, легкие быстро запачкав,
Пустили сжигающий смог.

За месяц все это забылось.
Общение шло хорошо:
Мальвина на брата не злилась.
Зачем вспоминать, что прошло?

Событие близилось скоро:
Десятый рождения день.
Вопросом один атакован —

Что буду дарить я сестре.

Немало прошли магазинов.
Родители мне помогли.
С настроем души позитивным
Направились к близким своим.

По доброй традиции предков
Светлана готовила торт,
Десяток зажженных заветных
Поставила свечек в него.

Пока мы играли в квартире,
Родители в город ушли,
А нам выходить запретили,
Но здесь мы игратья могли.

Со временем в комнатах разных
Мальчишки, девчата вели
Беседы и игры, азартно
Используя годы свои.

Услышал – подруги притихли —
Решил их проведать, как гость.
Из ванны угаром противным
Несносное что-то неслоь.

Закрытую дверь распахнули,
Когда я им выключил свет.
Мальвина, другие подруги
Купили себе сигарет.

Оттуда дымилось зловонно,
Туманом рассудок накрыв.
Себя заклеями позором
Сестра и подруги сестры.

Мне стало обидно, досадно,
Но скрыл эти чувства внутри.
Ведь даже опасная правда
Глупцов не всегда убедит.

Так просто решил отказаться
От правильной мне стороны:
Не стоит впустую ругаться
И спорить с сознанием пустым.

Наверное, зря так подумал,
И очень неверно судил.

Мальвина не просто подруга,
Она из родной мне семьи.

Кричать неустанно был должен,
Заставить услышать упрек,
Но в десять того невозможно,
Что в двадцать уставом идет.

Картина сложилась иначе:
Я просто сидел и молчал;
Не справился с важной задачей —
Не дернул за нужный рычаг.

Светлана узнала проделки,
Но власть оказалась мала.
Глаза старшей дочки поблекли.
Она все решила сама.

Позднее теперь возвращенье,
Так манит детей темнота,
А мамы, ломая мышление,
Весь вечер сидят у окна.

Они-то уже понимают,
Что может настигнуть дитя.
Но это приходит с годами,
Которые все объяснят.

Тогда, завершающей мерой,
Светлана сказала слова,
Что папа глядит через небо
И плачет от горя тогда.

Дочурка не слушает маму —
Не стоит себя так вести,
Ведь правилом первым и главным
Родителей слушать стоит.

Однако ошиблась Светлана.
Истек сожаления срок.
Сознание юное слабо,
Не может запомнить всего.

Единственный в прошлом мужчина
Померк под давлением лет.
И образ его лишь уныло
Сестра представляла себе.

Она не боялась беседы,

В которой бы мог убедить;
Вся польза пропала бесследно,
Посеяла семя беды.

Поэтому боле управы
Не знает Светлана сама.
Дочурка испортилась рано,
Совсем не набравшись ума.

Вдова захлебнулась печалью,
И пол под ногами поплыл.
Надежда, как белая чайка,
Летела в неведомый мир.

Снежана терялась в пустотах
Любивших когда-то родных:
Сестра превращалась в кого-то,
Кто к ласковой леди остыл,

А мама с часами слабела
Не в силах промолвить мольбы —
Она быть хорошей хотела,
Но рок не покорен ей был.

И что-то ломалось в малютке
Без чутких внимательных рук,
Поэтому мир неуютный
Испугом окутал сестру.

Она так нуждалась в заботе,
Но мама боролась с сестрой,
А маленькой ветер лишь вторит,
Сменивши все сказки на вой.

Глава V

Торжественный день приближался.
Мы все суетились зазря,
Ведь время спокойно бежало,
Свое предписание творя.

Светлана нашла себе мужа
Значительно старше ее,
Но возраст тогда лишь не нужен,
Когда каждый в паре влюблен.

Граница с пятнадцати весен
Не ставит барьера и стен.
К тому же, когда-нибудь после
Вся разница выйдет на нет.

Мой папа неплохо общался
С Сергеем по разным делам;
Достойно о нем отзывался,
А папе я верил всегда.

Мальвина, Снежана не против,
Поэтому все хорошо.
Сергей оказался угоден —
Во всем всей семье подошел.

Меня испугало немного
Событие в жизни его.
Не помню, как был истолкован
Испуг, что накрыл так легко.

В неведомом городе дальнем
Жених десять лет проживал,
Но словом и действием ранил —
Ушла от Сергея жена.

Их сын не последовал с папой,
Решил, что порадует мать.
Сергею осталось понятным
Желание сторону взять.

По воле могучей фортуны
Проехал сквозь много земель.
В своем путешествии трудном
Нашел долгожданный трофей.

Три года общения прежде,
Пока убеждался партнер.
Светлана с наивной надеждой,
Что счастье простило ее,

Мечтала по-новому видеть
Реальность без водных камней.
И время лечило обиды
Великою властью своей.

Мужчины вдвоем обсуждали
Рабочее место свое:
Сергей на таком уважаем
И вверх неуклонно идет.

Он счастлив, что так получилось.
И, папу схватив за плечо,
Сказал откровенно: «Спасибо,
Светлане держаться помог.

Она мне сказала, что вместе
Вы ей помогли победить.
И, точно благое известье,
До новых высот довели.

Надеюсь, что вы не уйдете
Из жизни ее никогда!
Взамен целой сотни пародий
Людьми вас возможно назвать».

Сыграли заветную свадьбу,
Надеждой двоих окрылив.
Супруга любви своей ради
Пошла на край света бы с ним.

Мальвина, сама не заметив,
Менялась, вкушая добро.
Гуляния поздние эти
Ушли, как пустой разговор.

Оценки наладились в школе,
Чтоб маму тепло удивить.
И правильной быть хорошо ей,
А глупости так далеки.

Вторая сестренка успешно
Примером Мальвины идет:
Порою, конечно же, тешит
Родителей разум ее,

Однако отнюдь очевидны
Таланты в разделе наук;
Не меньше душою спортивной
Она удивляет сестру.

Гармония вновь посетила
Забывтый неправильно дом,
Но Света подругу простила,
Забывши о случае том.

Возможно, наш мир изменился,
С нуля возродившись навек.
Новейшей волною амбиций
Накинулся сразу на всех.

Заветная жизнь окружила,
Как в мифах минувших картин,
Где радость бессмертным светилом
Смогла своих верных найти.

Но дале, как в слышанных мифах,
За счастьем последовал спад:
Невзгоды пожарами вспыхнут,
Устроенной жизни лишат.

Под вечер, как гром среди неба,
Раздался ненужный звонок,
Надежды развеявши пеплом
И спрятавши под полотно.

У знающей горе Светланы
Случилась большая беда:
Годами болевшая мама,
Лишенная сил, померла.

Она отгуляла на свадьбе,
Увидела внучек своих —
Прожила потомков лишь ради
Последние годы без сил.

Второе событие также
Ее не прошло стороной,
Но только уже не отважно
Плясала с дочуркой родной.

По каплям года выжигали
Покой и здоровье ее.
Сознанье хватили печали,

А слабость палила огнем.

Прощание – жесткий экзамен —
Лишило оставшихся сил.
Забытыми в прошлом слезами
Истратила нервы свои.

Минуты сливались в недели,
Часы превращая в ничто.
В обман непомерный не веря,
Светлана ругала «добро».

Не верила, что будет лучше,
Но знала, что худшего нет.
Надежд приближавшийся лучик
Она разрушала в борьбе.

Реальность несносностью злила:
Все зло в одной точке сошлось,
Светлану под прессом давило,
Оставив опорой лишь злость.

Единственной верной находкой
Замужней казалось оно:
Коварное чудище – водка,
Лишившее прочих забот.

Сознание мутно менялось
Под каплями яда сего,
А люди полоскою алой
В тумане терялись легко.

Печали куда-то сбежали,
Остыли утраты огни,
А горе ударом кинжальным
Развеялось в небытии.

Забота помехой несносной
Мешала ночами шуметь:
Снежана неслышною просьбой
Кричала мамулю к себе.

Сергей и Мальвина хотели
Мамуле хоть чем подсобить,
Но разум голубкою пленной
Безволен был что-то решить.

Замкнувшись от улицы прочей,
Затем потеряла родных.

Сначала любовь обесточив,
Лишилась эмоций других.

Пытался исправить оплошность
И вызволить с плена жену,
Но силы оставлены в прошлом,
В душе лишь пороки живут.

Сергей не сдавался без боя,
Пока не настиг страшный рок.
И утро, поныне плохое,
Ударило в спину его.

Настигла вторая утрата
И мать к небесам унесла.
И, сколько Сергей бы ни плакал,
Уже не вернется она.

Светлана вконец омрачилась,
Однако увидела свет.
По воле судьбы изменилось
Ее отношение к себе.

В поддержку родного супруга
Она отодвинула вон
Все то, от чего утонуло
Достоинство, радость и сон.

Однако супругу не надо
Поддержки, заботы, любви.
Он горе свое сладким ядом
Успешно из дум устранил.

На время они поменялись
Местами – король и ладья.
Сестренки, увы, наблюдали,
Как взрослые травят себя.

Продлилось недолго сражение:
Сдались сразу две стороны.
И не было больше движений,
Иссякла возможность борьбы.

Забыв о попытках подъема,
Единою парой больных,
Сергей и Светлана в оковах
Бутылку дробят на двоих.

А где-то в кроватках некрепких

Услышат ненужный им слог.
И мама – их ангел заветный —
Лишится величья всего.

Упавши без крыльев и веры,
Она перестанет внушать,
Что стоит по жизни им делать,
А что не потерпит душа.

Глава VI

Неслышным с утра приведеньем
Девчата проходят скорей.
Без лишних и шумных движений
Свой дом покидают сквозь дверь.

Поднявшись без помощи мамы,
Они собирались вдвоем.
Собрались сравнительно рано,
Сложили ученье свое.

Затем приготовили завтрак,
Без сахара чай навеки.
Как чайник в огне закудахтал,
Так вырвались крики семьи.

И басом для женщины чуждым
Светлана прикрикнула им,
Что злить ее утром не нужно,
Тем более действием таким.

И чайник, едва закричавши,
Невольно и рано затих.
Так утро глупцом одичавшим
Испортил пронзительный крик.

Собравшись, Мальвина, Снежана,
Готовы уже выступать.
Вдоль комнаты вмиг пробежали —
Не слышала топота мать.

На улице утро блуждало.
Спешила вперед детвора.
И криков, как в страшном пожаре,
Не слышала боле сестра.

Забылось, что было недавно,
Ушло в заграничную степь.
Детишки идут среди равных,
Среди полусонных детей.

Уселись за разные парты,
Заняв в разных классах места.
Учитель речевкой приятной
Снежану опрашивать стал.

Она отвечала удачно —
Готовила каждый урок,
Но сумма из чисел двузначных
Составила ей потолок.

Увидел проблему учитель,
Спокойно спросил, что к чему:
«Пусть этот пример не рассчитан.
Другие тебе подойдут?»

Снежана глаза опустила,
Боясь отвечать на вопрос.
Ручонками мел охватила,
Открыв свою волю для слез.

Ей стыдно казалось незнание.
Она не могла говорить.
Считала, сейчас наказали,
Не дав поперёк убедить.

Однако учитель пытался
Сказать, что хороший ответ,
Но только улыбка казалась
Коварным оскалом сестре.

Она заглянула в ладоши,
Чтоб спрятать от прочих испуг.
Так горько из глазок хороших
Постыдные слезы текут.

Учитель скорей удалился
С Снежаной в неведомый край.
Ребята могли веселиться,
Без правил проснулась игра.

Директор откликнулся сразу,
Сестру в кабинет подозвал.
Учителем случай рассказан,
Не списанный на тормоза.

Снежана готовилась к взбучке
И двойкам в своем дневнике,
Но это был редкостный случай —
Хвалить привели в кабинет.

Когда же учитель поведал,
Что знает Снежана урок,
Имеет лишь пару пробелов,
Которые срезать легко

При совестной взрослой подмоге
От родственных знающих лиц.
Пусть мама все тайны раскроет,
Пусть отчим урок объяснит.

Снежана расстроилась пуще,
Поняв бессознательность фраз.
Не надо кофейной ей гущи,
Чтоб просьбы узнать результат.

Пока рассуждали умело,
Она прослезилась опять.
Директор, смекнув, в чем тут дело,
Решил у Снежаны узнать.

«Тебе же порой помогают
Родители что-то решить?
Историю ли объясняют?
В науках они хороши?»

Сестренка с гримасой понорой
Решила ответить, как есть,
Что лишь помогает со школой
Сестра так же, как и себе.

А мама с Сергеем не могут
Осилить случайный предмет.
Они не придут на подмогу,
Ведь времени, попросту, нет.

Директор расстроено глянул,
Учителю что-то шепнул.
Такое встречал постоянно —
Привык он почти ко всему.

И маму просил завтра в школу
С утра в кабинет подойти;
Он тут побеседует скромно
О том, как себя ей вести.

Снежана пыталась ответить,
Затее приставить отказ.
Но мысли, что цепкие петли,
Запутали правильность фраз.

И вместо ответа сестренки
Последовал спутанный слог.
Директор отправил ребенка,

Подумав, что понял все тот.

Занятия кончились скоро.
Случилось прощанье подруг.
Снежана молчит всю дорогу,
Не хочет рождать суету.

Наверное, стоило что-то
Сестре полусшепотом спеть,
Но страх этот круговоротом
Схватил в невозможную плеть.

Как ком при погоде бесснежной
Скрепил ее речи замок.
Снежана, оставив надежду,
Шагнула за мамин порог.

Детей научили, что правда
Дороже бесценных монет,
А ложь – это змеи лукавы,
Что души утопят в беде.

Поэтому первым дыханьем
Решилась поведать наказ.
И горькими слуху стихами
Порядочной правде сдалась.

Возможно, сглупила малышка.
Возможно, мамаша пьяна.
Но, первые крики услышав,
Мальвина удар приняла.

Ослабший Сергей пробудился,
Вступился в непонятый спор.
Своею неведомой силой
Приемным вручил приговор.

Впервые закончились крики,
Привычные крестной моей.
На смену судьей великим
Удары стремятся теперь!

Прощайте права или голос.
Да здравствует точный приказ!
Есть хуже убийства подростка
Один только грех на плечах:

Когда охренивша скотина,
Пропивши и память, и ум,

С достойною пьяницы силой
Ударит сперва по уму,

А после возможный задавит
Талантливый гений души.
В огне бесконечных баталий
Ребенка в говно превратит.

И каждое утро отныне
Они побоятся вставать.
Подумать, что дети забыли —
Лишь глупый решит посчитать.

Светлана явиться не смела
В науки возвышенный храм.
Следы, охватившие тело,
Служили заменой словам.

С десятком замазанных пятен
Явились вдвоем; как всегда,
Готовы к проверке тетради,
Но взор весь прикован к следам.

Учитель, возможно напрасно,
Не смог просочить между рук
Сигнал, что настигла опасность
Одну и другую сестру.

Как жаль, что таких благородных
Из сотен найдется один.
И он ради бравой свободы
Готов к объявлению войны.

Инспекцией тайной проведаль;
Дочурок, как мог, похвалил:
Не просто, а только за дело,
За что заслужили они.

Родители прочих не хуже.
Есть много замшелых семей.
Наставник достойным им нужен,
Где взять столь достойных людей?

Вернулся лазутчик обратно:
Доклад информацией скуп.
Насилие есть важным фактом,
Но дальше дела не пройдут.

«Бессильны мы» – молвил директор —

«Таких миллионы уже.
А всех не усадишь ты в клетку,
Ведь все не уместятся в ней».

Приказ был воспринят буквально.
Он значил: не лезь и сиди.
И рыцарь, сраженный печалью,
Одобрил неверный вердикт.

Хотя, если мыслить иначе,
Что мог он один разрешить?
Чтоб справиться с этой задачей,
Немалое стоит сменить:

От малых до возрастом слабым,
Простых или сильных персон.
На массу не будет управы —
Она побеждает числом.

И бунт, что внутри беспокоен,
Своих бунтарей подведет:
В вонючих ублюдках утонет
Прекрасных амбиций полет.

Глава VII

Исчезли из памяти снимки,
В которых талантом своим
Блистали Снежана с Мальвиной;
Талант растворился, как дым.

Страшнее теперь увлечения,
Совсем далеки от наук.
Мальвина вернулась к течению,
Куда все ошибки ведут.

Когда-то, в эпохах прошедших,
Сестренки могли удивить.
Теперь же науки им шепчут
И просят вернуть эту нить.

Забавы отнюдь удалились
От детских беззлобных забав.
Уроки вдвоем заменили
На встречи без всяких преград.

Прекрасное чтение книжек
Просмотр передач заменил;
Спортивный напор обездвижен
Бессмысленным жестом таким.

Вернулись забыты привычки —
Во рту появились бычки.
А Свете беда безразлична,
Забыла о детях почти.

Свободная легкая птица
Летит неизвестно куда:
Захочет – рискует разбиться,
Решит – и махнет на юга.

Лишь небо поставит барьеры,
Придумает первый предел,
А птица, что призраком серым,
Проверит его на себе.

Когда-то ругалась Светлана
На сердце сжигающий дым,
Но более мамы не стало —
Материя, где нет судьбы.

Девчата росли своевольно
Без нужных похвал или ласк;
Друзья помогали порою,
Спасая жильем каждый раз.

Годами ломались осколки,
Дробились в мельчайшую пыль;
Душа разрывалась так громко,
Но не было горькой слезы.

Последний осколок растаял
В ответ на печальный звонок.
Мы с мамой скорее собрались,
Слова прочитав между строк:

Снежана лежала в больнице.
Она с отравленьем слегла.
Врачи объяснили нам принцип,
С чего отравилась сестра.

Я знал, от чего заболела
И как добивалась того.
Сперва сигарету несмело
Ей в руку судьбой принесло.

Забавно вначале казалось
С Мальвиной курить по углам,
А после такая забава
Уже показалась слаба.

Не зная контроля от мира,
Не ведая действий и мер,
Она в подворотне вкусила
Знакомый практически всем

Обычно совсем не наркотик,
Но в глупых умелых руках
Для большего клей им подходит,
А прочим наводит лишь страх.

В подвалах порочных подъездов
Над ядом склонялись они.
По мозгу десятками лезвий
Пары токсиканта текли.

Прощайте, мечты о науке;
Не могут работать мозги.
Больничный покой не уютен
Для тех, кто здоровью вредит.

Тогда же увидел Светлану;
Она не узнала меня.
Другой на обличие стала —
Как портит людей «сладкий яд»!

Ни капли из глаз не скатилось,
Не дрогнуло мамы лицо.
Дитя отравилось так сильно,
А мама была подлецом.

Как звери, достигнувши возраст,
Не видят средь прочих детей,
Так пьяные люди позорно
Себя превращают в зверей.

Увидел сестрицу Светланы.
Она вся в слезах подошла.
Племянницу чуть поругала —
Так сильно болела душа.

Затем поцелуем простила,
Любовь не имела границ;
Светлану ударила с силой
За то, что душа так болит.

Забыв попрощаться с сестрою,
И к маме моей подошла:
«Отныне я правду не скрою:
Удары проблем не решат.

Никто не спасет их из плена,
Пока здесь злодейка живет.
Так долго все это терпела,
Забыв и о счастье своем.

Прощайте, подруга родная.
Запомню из всех только вас.
Скажу, пусть плохими словами:
Забудьте их прямо сейчас!»

Я дальше не слышал беседы.
Затем удалилась она;
Как призрак, исчезла бесследно
Из жизни Светланы сестра.

Но это ничуть не смутило
Мамашу несчастных сестер.
Эмоции прошлое смыло,

Спалил беспощадный костер.

Не знаю знакомой мне крестной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.